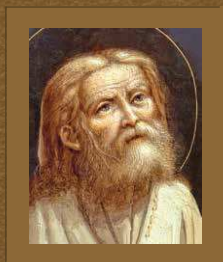
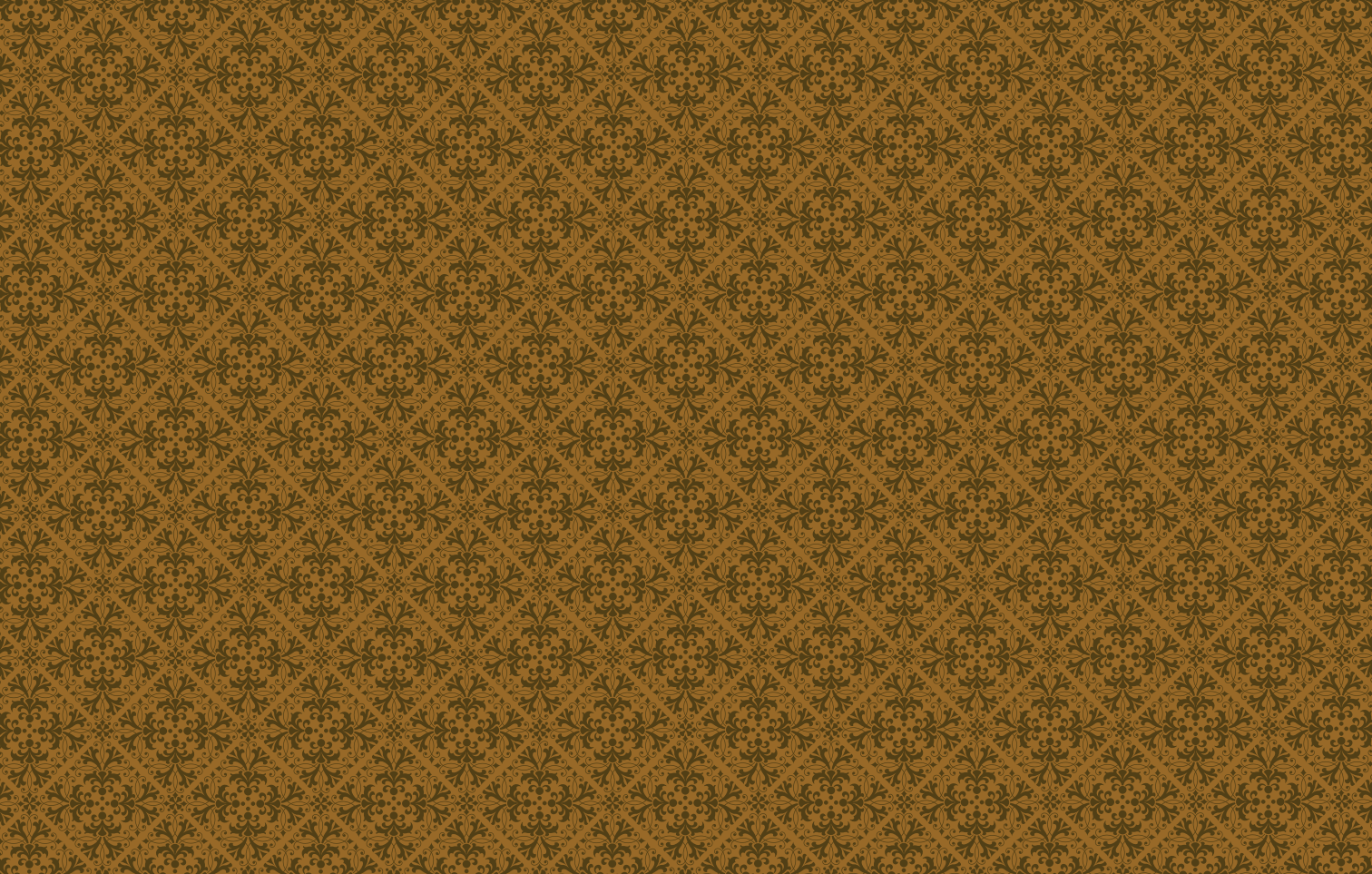

Свято-Троицкий
Серафимо-Дивеевский монастырь

Небесный человек и земной ангел

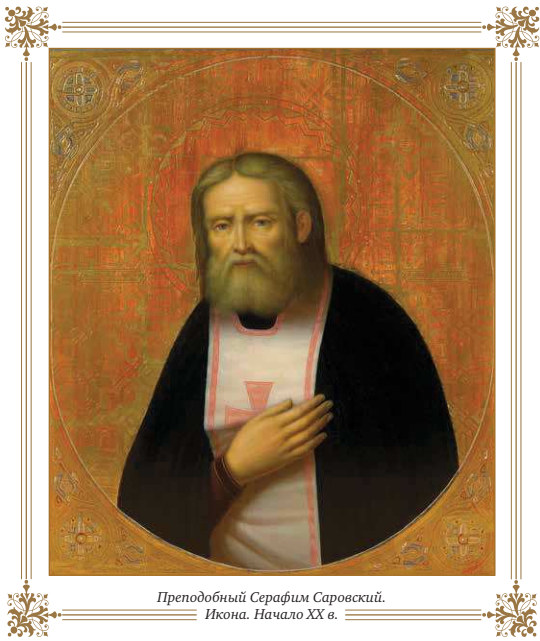
Книга о преподобном
Серафиме Саровском

Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский
женский монастырь

Явился бо еси воистину Ангел на земли и во плоти Серафим.
Акафист преподобному Серафиму Саровскому, икос 1.

Преподобный Серафим Саровский.
Икона. Начало XX в.

Небесный человек и земной ангел

Книга
о преподобном Серафиме Саровском

Свято-Троицкий
Серафимо-Дивеевский женский монастырь
2021

**Святой Серафим Саровский,
Дивеевская обитель
и их влияние на монашескую жизнь в России¹**

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р00-000-0000

Н 39

Небесный человек и земной ангел. Книга о преподобном Серафиме Саровском – Дивеево: Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский женский монастырь, 2021 г. – 448 с.

Благодатное житие и мирное устроение духа, которые нёс в себе преподобный Серафим, его жажда горнего мира и после кончины святого старца притягивают к себе, побуждают пристально всматриваться в его образ жизни, вслушиваться в его поучения, подражать во взаимоотношениях с людьми. Батюшка Серафим, как и прежде, утешает притекающих к нему, разрешает недоумения, открывает тот путь, устремившись по которому можно последовать за Христом и достигнуть блаженной вечности и Небесного Царства. Настоящая книга призвана стать таким путеводителем к Богу, она содержит житие преподобного Серафима, его поучения и описание жизненного уклада, а также поучения священников, основанные на фактах жизни святого саровского старца и его советах.

© Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский женский монастырь, 2021 г.

ISBN 978-5-93528-056-7

Преподобный Серафим Саровский – великий русский святой, почитание которого давно переросло национальные рамки. Ныне слава о святости преподобного Серафима распространилась не только по всей Вселенской Церкви, но и вышла за её пределы.

В чём главное значение святости? Святость, прежде всего, – свидетельство о действенности Божией благодати, не покидающей наш грешный мир вплоть до последних времён. Святой – гражданин Небесного града, открывающий и нам путь в Царство Божие. Феномен святости свидетельствует об истинности Церкви, о том, что её не преодолевают врата ада. Иссякновение святости – тревожный симптом для любой исторической Церкви.

В свете этого явление преподобного Серафима убеждает нас в том, что и в XIX веке в Русской Церкви сохранились первоапостольская ревность, дары Святого Духа. Мы много знаем о разных ересьх догматического плана (христологических, триадологических и прочих), но есть и ещё одна ересь, о которой реже вспоминают, между тем она существует с первых веков христианства и сохранилась вплоть до наших дней. Один из ярчайших представителей исихазма преподобный Симеон Новый Богослов характеризовал её следующим образом: «Я говорю о тех еретиках, которые говорят, что в нынешние наши времена и среди нас никого нет, кто мог бы соблюсти заповеди Евангелия и быть, как были святые отцы, во-первых, верным и деятельным, ибо вера в делах обнаруживается, как в зеркале является подобие лица; а потом быть созерцательным, или Богозрителем, то есть зреть Бога чрез просвещение от Духа Святого или, прияв Духа, благодатию Его зреть Сына со Отцом. Так те, которые почитают это невозможным, – еретики и имеют не одну какую-либо частную ересь, но, можно сказать, все ереси, поколику эта ересь нечестием и богохулением своим превосходит и затмевает все другие, и кто говорит так, низвращает² все Божественные Писания» (Слово 47)³.

¹ Доклад на Международном монашеском форуме в Польше 2 сентября 2010 года.

² Низвращает – разоржает до основания.

³ Преподобный Симеон, Новый Богослов. Творения. Том 1. – Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1993. С. 427–428.

Есть такие люди и среди современных христиан, именно они ратуют за снижение требований, за приспособление к современному миру, катящемуся в бездну. По их мнению, требования отцов невозможны, а их аскетический и религиозный опыт остались в прошлом, церковные же каноны и уставы нуждаются в переработке, в том, чтобы стать более удобными и приемлемыми для современного избалованного человека. Но Царство Божие силой берётся, и нельзя попасть в Царство Божие с комфортом. Необходима борьба и с самим собой, и с духами злобы поднебесной, а то, что победа в этой борьбе возможна, доказывает нам пример святых и, в частности, преподобного Серафима, жившего не так уж давно, но явившего полноту исполненности Святым Духом.

Другой упрёк, часто адресуемый монашеству, – его практическая бессмысленность. Ещё император Пётр Великий говорил о том, что большинство монахов – тунеядцы, приносящие вред государству. Современный обыватель часто на свой лад повторяет это обвинение, говоря: «Какая польза от монашества? Всё это – лишь эгоизм. Чем думать о спасении своей души, шли бы лучше работать для пользы других людей!» Что на это ответить? Во-первых, это исторически неверно, так как в средневековые монастыри были очагами культуры, а монахи – самым образованным культурообразующим слоем общества. Во-вторых, важна не практическая польза, столь ценящая современным близоруким обществом. Ведь и спасение одной-единственной души – вселенское событие. Архимандрит Софроний (Сахаров) в жизнеописании другого великого подвижника, преподобного Силуана Афонского, совершенно верно замечает: «Природа всечеловеческого бытия такова, что каждое отдельное лицо, преодолевая в себе зло, этой победою наносит космическому злу поражение столь великое, что следствие её благотворно отражается на судьбах всего мира... Единный святой есть явление чрезвычайно драгоценное для всего человечества. Святые фактом своего бытия, хотя бы и неизвестного миру, но известного Богу, низводят на землю, на всё человечество великое благословение Божие»⁴. Как не вспомнить в связи с этими замечательными словами известное выражение преподобного Серафима Саровского: «Стяжи дух мирен, и тысячи вокруг тебя спасутся»? И эти его слова и до наших дней распространяют свою благодатную силу, так как и сейчас именно пример преподобного Серафима Саровского вдохновляет множество людей по всему миру на следование тяжёлым путём христианского воздержания ко спасению души.

⁴ Старец Силуан. Жизнь и поучения. – М.: Воскресение. Ново-Казачье. Православная община, Минск: Университетское. 1991. С. 210, 211.

Ещё один очень важный момент – это то, что преподобный Серафим был не только подвижником, но и богословом, несмотря на отсутствие у него семинарского образования. Древнеегипетский подвижник остроумно заметил: «Если ты богослов, то будешь молиться истинно, а если истинно молишься, то ты – богослов»⁵. Разорванность богословской теории с молитвенной практикой – беда православной мысли последних столетий, что зачастую приводит к тому, что мы получаем теологов-теоретиков, не имеющих духовного опыта, воспринимающих богословие как интеллектуальную игру. Преподобный же Серафим, стяжав полноту благодати Божией, проявившейся в его пасхальной любви, радости о Святом Духе, прозорливости, пророческом даре, стяжал и подлинную богословскую мудрость. И яркое подтверждение этому – знаменитая беседа «О цели христианской жизни», переданная нам Николаем Александровичем Мотовиловым.

Это жемчужина православной мысли, которая до сих пор порождает у людей, чуждых истинному духу православной традиции, сомнения в её подлинности. Откуда подвижник из саровских лесов мог знать о византийской доктрине обожения? Академическое богословие в те годы ориентировалось на западную теологию, о византийских корнях забыли. Лишь младший современник преподобного Серафима святитель Филарет (Дроздов) возродит традицию следования восточным отцам в академической науке. И на этом фоне такое яркое свидетельство о знании самого важного и, может быть, самого сложного в восточно-христианской традиции! Доктрина обожения, выраженная священномучеником Иринеем Лионским, святителем Афанасием Великим, святителями Григорием Нисским и Григорием Богословом, преподобным Симеоном Новым Богословом, святителем Григорием Паламой, со всей ясностью показана и в поучении преподобного Серафима. «Бог стал человеком, чтобы человек стал богом» – в этом суть православия, которое призывает человека не просто к следованию некоему моральному кодексу; оно хочет сделать из человека не просто хорошего человека, но сына Божия, по действию в нем обживающей благодати Святого Духа. И это единственная цель человеческой жизни, так как, по словам преподобного Серафима, «пост, бдение, молитва, девство и все другие добродетели, ради Христа делаемые, сколько ни хороши они сами по себе, однако же не в них одних состоит цель жизни нашей христианской и не затем мы родились, чтобы лишь только их творить; но цель жизни нашей – это есть та самая благодать Духа Божия, кото-

⁵ Творения аввы Евагрия. Аскетические и богословские трактаты / Пер., вступ. статья, комм.: А. И. Сидоров. – М.: Мартис. 1994. С. 83.

рую они приносят нам... ибо «Духом Святым всяка душа живится и чистою возвышается, светлеется Троическим Единством свяшенотайне», вселяющимся в души наши. И это-то самое вселение в души наши Его Вседержителя, соприбывание со духом нашим Его Троического Ветворческого Единства и даруется нам лишь через стяжание Духа Святого, которое и предуготовляет в душе нашей престол Божию с духом нашим соприбыванию».⁶

По учению преподобного Серафима Саровского, человек должен стать со-работником Бога в нашем грешном мире, чтобы стяжать мир Божий в своём сердце и через то явить действие Святого Духа на самом что ни на есть реальном, онтологическом уровне.

Многие из крупнейших православных богословов уже в XX веке оценили всю глубину учения, изложенного в этой краткой беседе. Так, Владимир Николаевич Лосский в своём сутобо научно-богословском труде «Очерки мистического учения Восточной Церкви» замечает, что «этот рассказ... содержит в своей простоте всё учение восточных отцов о „гносисе“ – познании благодати, которое достигает своей наивысшей ступени в видении Божественного света... Это уже более не экстаз, не переходящее состояние, которое восхищает, отрывает человеческое существо от его обычного опыта, но сознательная жизнь в свете, в непрестанном общении с Богом».⁷ Ещё более важно следующее замечание нашего знаменитого богослова: «Пример преподобного Серафима тем более поразителен, что он воскрешает в довольно близкую к нам эпоху святость отцов-пустынников первых веков христианства, которая кажется почти невероятной для нашей веры, рассудочной и прохладной, для нашего ума, вследствие грехопадения ставшего „кантианским“».⁸

Преподобный Серафим доказывает единство опыта святости Вселенской Церкви, в то же время оставаясь русским святым. Другой знаменитый богослов XX века протоиерей Георгий Флоровский заметил, что «святость Серафима сразу древняя и новая».⁹ С одной стороны, «преподобный Серафим внутренне принадлежит византийской традиции»¹⁰, но она в нём становится вполне живой и русской. В его образе «дивно смыкаются подвиг и радость, тягота молитвенной брани и райская уже светлость, преобразование уже нездешнего света»¹¹. Протоиерей Георгий очень верно подметил пасхальный,

6 Записки Николая Александровича Мотовилова, служки Божией Матери и преподобного Серафима. – М.: Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь, Отчий дом, 2009. С. 233, 235.

7 В.Н. Лосский. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. – М.: Центр «СЭИ», 1991. С. 185.

8 Там же.

9 Протоиерей Георгий Флоровский. Подвиг и радость // Преподобный Серафим Саровский. Стяжание Духа Святого. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 261.

10 Там же. С. 262.

11 Там же. С. 261.

радостный дух святости саровского батюшки. «Радость моя, Христос воскрес!» – приветствовал он всех к нему приходящих. Пасхальная радость о преобразённом в глубинах своих с момента Воскресения Христова мироздании – та черта опытного богословия преподобного Серафима, которую он завещал русской религиозной мысли. И русская, и византийская литургическая традиции свидетельствуют о космическом значении Воскресения для всей твари, и преподобный Серафим выражает этот дух, приоткрывая нам уже здесь и сейчас врата рая.

В связи с темой Пасхи можно вспомнить, что преподобный Серафим Саровский в одном из своих пророчеств говорил о «Пасхе среди лета». И в 1903 году летом, 19 июля по старому стилю, произошло обречение его мощей и канонизация. Как известно, в этих событиях решающую роль сыграл царь-страстотерпец Николай II, в отношении которого сбылось другое пророчество преподобного Серафима: «Тот царь, который меня прославит, того и я прославлю».

В 1991 году были вновь обретены мощи преподобного. Чудесным образом они сохранились в запасниках Музея атеизма, располагавшегося в советское время в Казанском соборе Ленинграда. В духовном, метафизическом плане это событие является важнейшим в новейшей истории, так как оно знаменует возрождение православия в России, возвращение пасхальной радости, способной обновить нашу многострадальную землю.

В 2003 году состоялось празднование столетия со дня канонизации преподобного Серафима, и приснопамятный Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в своём приветственном слове заметил: «Преподобный Серафим Саровский был носителем пасхальной радости – радости о воскресшем Госпде Спасителе нашем. И я хочу напомнить вам ещё раз, что в одном из предсказаний преподобного говорится, что „среди лета воспоют Пасху“. Разве не Пасха сегодня у нас, когда мы вместе прославляем память и отмечаем столетие с момента прославления преподобного Серафима Саровского?!» Наша нижегородская земля ежегодно переживает эту пасхальную радость, празднуя память преподобного Серафима в основанной им Серафимо-Дивеевской обители. В ней, как и предсказывал преподобный, сейчас и почивают его мощи. Ныне Серафимо-Дивеевский монастырь – крупнейший женский православный монастырь мира. Фактически по своему значению – это первая женская лавра в восточно-христианской истории, пусть она формально так и не называется.

Роль преподобного Серафима Саровского в истории женского монашества сложно переоценить. Помимо Серафимо-Дивеевского монастыря по

благословию Серафима Саровского прямо или косвенно было основано или возрождено ещё десять обителей: Покровский Ардатовский монастырь, Спасский-Зеленогорский, Мало-Пицкий во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», Николаево-Георгиевский Абабковский, Серафимо-Понетаевский во имя иконы «Всех скорбящих Радость», Дальне-Давыдовский во имя иконы «Утоли моя печали», Кутузовский во имя иконы «Утоли моя печали», Курихинская община во имя иконы Божией Матери «Знамение», Меляевская община во имя иконы Божией Матери «Умиление». В уставах монастырей, основанных преподобным, подчёркивалось глубокое почитание Царицы Небесной: перед местной иконой Божией Матери от начала устройства обители горела неугасимая лампада и читалась неусыпаемая Псалтырь, в воскресные и праздничные дни перед литургией или после неё читался параклис – канон молебный к Божией Матери. Можно сказать, что служба Божией Матери воплотил любовь к Ней и почитание Её во многих руковорных памятниках и в душах людей. При этом он сам благословил настоятелей во все основанные им Богородичные обители. Всем им он дал духовные наставления в том же духе, что и те, которые были записаны в «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря».

Все его обители были трудовыми общинами. Преподобный даже особый упор делал на том, чтобы сёстры много трудились физически, при этом по сравнению с уставами других монастырей молитвенное правило для сестёр батюшка Серафим ослабил. Так было в Мельничной общине в Дивееве. Как передаёт нам Николай Александрович Мотовилов, «при сей обители девичьей заповедано старцем Серафимом от лица Царицы Небесной простое полеводство, огородничество, садоводство и смиренные рукоделия женские, не требующие особенного на производство своё умственного напряжения и не мешающие непрестанному в Боге пребыванию духом и всегдашней сердечной молитве». При этом имелись в виду труды не только на мельнице, на огороде, в поле – по благословию преподобного во многих монастырях были устроены богадельни, сиротские дома. Сёстры занимались живописью (дивеевские сёстры, например, ездили обучаться живописному искусству в Санкт-Петербург), шитьём, вышивкой, много внимания уделялось клиросному пению. Как сообщает «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря», преподобный Серафим благословил учиться правильному пению; он наставлял ко всему, ко всякому послушанию в обители прикладывать труды.

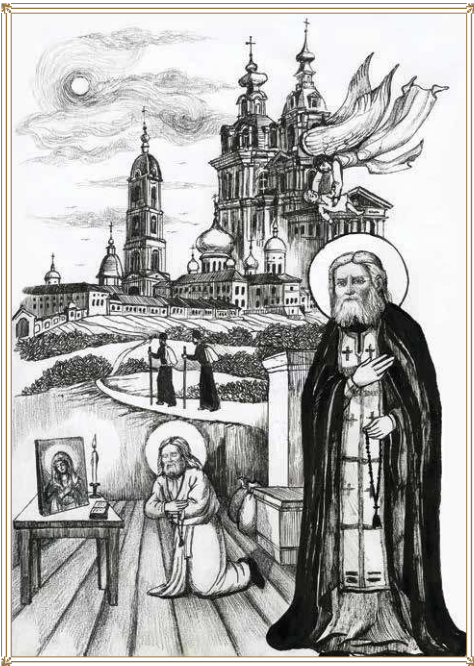
Нужно отметить, что степень тяжести трудов, которые возложил преподобный Серафим на своих первых послушниц, была такой, какую сегодня, навер-

ное, никто и не смог бы понести. Труды, хоть и очень подчас тяжёлые в современных женских обителях, всё-таки не идут ни в какое сравнение с теми условиями жизни, в которых испытывал своих послушниц преподобный Серафим. Но после этих тяжких физических трудов они получали и великое духовное утешение. А для наших сестёр-тружениц может быть утешением ещё и сбывающееся, как мы видим из истории, предсказание преподобного: «Вы теперь послушайте, а кто придёт после, послужит и вам». Тяжкие труды в юности сменяются молитвенной жизнью в старости, а о материальном благосостоянии обители заботятся новые молодые насельницы.

Опыт устройства и восстановления женских обителей преподобным Серафимом актуален именно в наши дни, потому что большинство наших обителей устраивается на пустом месте. И тут особенно тяжёлые физические труды неизбежны, как это видно и из истории возрождения Серафимо-Дивеевской обители, в которой за девятнадцать лет сделано было немисливо много, и всё это устроилось благодаря помощи Божией и заветам преподобного Серафима. И вот что очень важно и может послужить утешением и вразумлением для тех, кто трудится на ниве Божией, – преподобный все труды, предпринимаемые для благоустройства обители, называл службой Божией Матери, выражением любви и почитания Той, Которая была первой монахиней. Потому, в случае крайней физической усталости, благословил даже сократить молитвенное правило до чтения трижды молитвы «Отче наш», трижды тропаря «Богородице Дево, радуйся» и Символа веры. Сейчас это Серафимово правило стало очень известным, знали его и в советские годы, когда не всякий желающий мог достать молитвослов, а молитвы часто переписывались в тетрадки от руки. Ныне это правило распространено и за пределами русской молитвенной традиции.

Как мы видим, значение преподобного Серафима для Русской Православной Церкви неизмеримо. Это пример подлинной, очень глубокой и в то же время очень простой святости. Преподобный Серафим – доказательство истинности духовной традиции русского православия, возможности и в наше сложное время следовать путём новозаветных заповедей. Но ещё более важно, что он для всех нас – очень близкий человек. Мы можем прикоснуться к его вещам, к тем местам, где он совершал свои подвиги – Саров и Дивеево доньше сохраняют ощущение его присутствия. Это очень ярко чувствуется на нижегородской земле, которую Царица Небесная через верного слугу своего Серафима соделада четвёртым Своим уделом. Через преподобного Серафима Саровского нам открывается опыт рая, опыт присутствия Святого Духа в нашем грешном мире.

Глава I
Под кровом матери

Земной родиной этого истинно небесного человека, о котором Сама Божия Мать сказала: «Сей – от рода Нашего», был град Курск, милостиво покрываемый чудотворной Её иконой Знамения, именуемой «Коренною». Под Её особым попечением возрос до великой высокой святости преподобный Серафим и удостоился услышать от Нёе пресладкое и славное наименование: «Любимиче Мой!»

Телесным же родителем его был благочестивый купец и трудолюбивый строитель Исидор Иванович Мошнин. У него были свои кирпичные заводы, и он занимался постройкой каменных храмов и домов. Для этого дела требуется душа сильная и благоразумная, но Исидор Иванович отличался ещё и твёрдой верой, и истовым благочестием.

Ещё более украшалась добродетелями мать будущего угодника Божия, истинная раба Господня, Агафия Фотиевна; она отличалась милосердием к бедным; в особенности же помогала сиротам-невестам выходить замуж. Но, кроме этого, она была одарена и глубоким разумом, и мужественной душой, как мы это скоро увидим.

От таковых родителей произросли три ветви: первое дитя – Параскева, старший сын Алексей и младший брат его, будущий светильник Вселенной, Прохор.

В мире Божием нет ничего случайного; и даже малые, по-видимому, события имеют свой смысл: будущий богоносец, пламенный Серафим, прославленный ещё на земле Фаворским светом славы Преображения, родился в ночь с 19 на 20 июля¹³, то есть под день славного небошественника, огневидного Или пророка, великого ветхозаветного постника, и созерцателя славы Божией на Хориве, и собеседника Христу Господу на Фаворе. При крещении младенцу дано было имя Прохора, одного из семидесяти апостолов и первых диаконов церкви (см. Деян. 6, 5), память коего празднуется 28 июля, то есть в

¹² Печатается по кн.: Митрополит Вениамин (Федченков). Всемирный светильник. – М.: Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь, изд-во «Ковчег», 2006.

¹³ Все даты в книге даны по старому стилю.

девятый день по рождении богоизбранного младенца; по церковному закону полагается нарекать святое имя в восьмой день (см. Лк. 2, 21); здесь дано на день позднее. При размышлении о сём небесном покровителе святого, диаконе, или служителе Христовой Церкви и попечителе о бедных и вдовицах (см. Деян. 6, 1), естественно приходит мысль и о преподобном, который сам называл себя слугой Божией Матери и по Её повелению создал обитель для дивевских сирот – девиц и вдовиц. А как истинный наставник монахов и инокинь и всему миру учитель о благодати, святой Серафим достойно получил своё имя, которое значит «начальник хора».

Под таковым покровом Богоматери, пророка Или и святого Прохора начали возрастать и расцветать добрые задатки, заложенные в младенца по nasledству от сильного духом родителя и милосердой матери Агафии (см. Быт. 5, 3). Наипаче же хранила и воспитывала его благодатная питательница,вятая Церковь, к коей он привержен был от чрева матери своей, богомольной родительницы, на единственном попечении которой скоро остался младенец.

Отец его, ещё в самом расцвете сил, сорока трёх лет от роду, неожиданно скончался. Непостижимы нам пути Божии, но то несомненно истинно, что Господь, «глубиною мудрости человеколюбно вся строи и полезная всем по-давай», как поётся в тропаре усопшим, призвал к Себе раба Своего в нужное время: угодно ли Ему было, чтобы воспитательницей будущего подвижника была более благочестивая и кроткая мать; или впереди предстояло бы преподобному искушение уклана на практический мирской путь, каким шёл строитель-отец; или от последнего можно было ожидать несогласия на иноческий подвиг сына, избранного на то Богом – то ведомо единому Промыслителю.

Не испытывая судеб Божиих, смиренно взяла трудный крест молодая вдова боголюбивая Агафия, не поддавшись малодушию, приняла она на мужественные руки свои трёх малолетних сирот, всё сложное хозяйство и особенно ответственное дело по постройке храма в честь преподобного Сергия и Казанской Божией Матери, которую начал супруг её в 1752 году и каковая кончилась под её непосредственным надзором. Всё это время Прохор был неотлучен от любящей и любимой матери, свято чтимой им до гроба; так что можно сказать, что всё детство и юность преподобного прошли под её влиянием и под знаком богоугодного храмоздательства, которое само по себе привлекало чистую душу его от земли на небо; «дом Божий» становился для него родной обителью. И после мы услышим от угодника Божия, что ему не хотелось бы вовсе уходить из храма, от богослужения.

К началу этого времени относится первое чудо, совершившееся над святым семилетним отроком. Наблюдая над постройкой колокольни, Агафия поднялась на самый верх. Прохор не отставал от неё. И вдруг, неосторожно подойдя к краю, он с огромной высоты упал на землю. В ужасе стремглав сбежала мать вниз, ожидая видеть сына бездыханным. Но, к её и общему изумлению, он стоял прямо на ногах, совершенно здоров и нисколько невредим, точно опущенный на ангельских крыльях! Так чудесно хранила благодать Божия Своего избранника, по слову псалмопевца: *ангелам Своим заповедает о тебе – охранять тебя на всех путях твоих: на руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твою* (Пс. 90, 11–12). А впоследствии та же сила Божия будет поднимать его над землёю.

Достоин примечания, что окончание постройки храма совпало с изменением судьбы Прохора: в 1777 году Агафия сдала церковь; в следующем же, 1778 году, она отдаёт сына своего на служение Богу; и он придёт в Саровскую обитель ко всеобщему бдению под праздник Введения в храм Богородицы. А через 125 лет в той же самой церкви, около коей прошли первые годы святого, будет пристроен придел во имя его самого. Дивны дела Божии.

Скоро последовало и второе чудо над «избранником Божией Матери». Когда ему было десять лет, Прохор заболел; мать его не надеялась даже на выздоровление, но сын рассказал ей, что увидел сон: ему явилась Божия Мать и обещала посетить и исцелить его от болезни. Много лет спустя преподобный удостоится явного необычайнейшего лицезрения Божией Матери и святых, после которого он скажет бывшей с ним сомолитвеннице: «Вот, матушка, какой благодати сподобил Господь нас, убогих. Мне таким образом уже двенадцать раз было явление! Вот какой радости достигли! Есть нам почему веру и надежду иметь ко Господу! Побей врага – диавола... Призывай на помощь Господа, и Мать Божью, и святых. И меня, убогого, поминай».

Молилась ли мать, призывал ли Царицу Небесную и сам отрок, но случилось тогда следующее. По городу несли чудотворную икону Коренной Божией Матери. Крестный ход шёл по Сергиевской улице, где они жили. Вдруг разразился сильный дождь. Для сокращения пути икону понесли через проходной двор Мошнинных. Мать быстро подняла больного дитя и вынесла его к Божией Матери. Так Царица Небесная исполнила своё обещание, мальчик вскоре совершенно выздоровел и с усердием отдался обучению.

По природе своей он одарён был исключительными способностями светлого ума, сильной памяти, сердечной впечатлительности, которые сохрани-

лись до самой смерти; поэтому, за что бы он ни брался, он всё усваивал быстро и прочно. Так было и с грамотой. По мудрому и благочестивому обычаю старых времён, обучение начиналось с Часослова и святых псалмов царя Давида, а потом переходило к Библии, житиям святых и другим духовным книгам, питая знаниями ум, а благочестием – сердце. Прохор весьма скоро научился книжному искусству и всё своё свободное от молитвы и занятий время отдавал чтению. С самого детства он сделался серьёзным. Как и многие иные святые, отрок чуждается обычных детских забав и игр и ищет себе товарищей, подобных по духу. Из них пять его друзей определяют себя на иночество: двое из них уйдут с ним вместе в Саров, а двое других – в иные монастыри, и лишь один останется в миру, да и то потому, что на его попечении окажутся, по смерти родителей, пять братьев и три сестры. Вот среди какой семьи и содружества преуспевал в благодати у Бога и человек (ср. Лк. 2, 52) будущий светильник не только Православной Церкви, но и всего мира.

Между прочим, благотворное и святое влияние на юного Прохора имел один раб Божий, некий Христа ради юродивый, подвизавшийся в то время в Курске. Имя его не сохранилось в памяти истории... Много их таких рассеяно было прежде по лику Святой Руси... И великое дело незаметно творили они, отвлекая мир от привязанностей земных и лучше всяких книг уча евангельскому мироотречению, христоподобному смирению, мученическому терпению всяких лишений, предсказывая будущее, утешая страждущих, а иногда и обличая окаменелые души грешных людей.

Один такой Божий человек встретил Агафию, когда она шла по городу с обоними сыновьями. Обратив внимание на Прохора, юродивый сказал матери: «Благженна ты, вдовица, что у тебя такое детище, которое со временем будет крепким предстателем пред Святой Троицею и горячим молитвенником за весь мир!»

С той поры он полюбил отрока и в дальнейшей жизни благотворно действовал на него. Прохор же, как сухая земля – дождь, впитывал в себя всё святое и доброе от раба Божия. Благочестивая и православно настроенная мать могла всему этому лишь радоваться и идти навстречу.

Правда, дела её требовали помощи и младшего сына: кроме кирпичного завода и постройки храма у них была ещё своя лавка в городе. Преподобный впоследствии рассказывал: «Я родом из курских купцов, и когда не был в монастыре, мы, бывало, торговали таким товаром, который больше нужен был крестьянам: дуги, шлеи, железо, верёвки, ремни и т. п.»

Юный Прохор не отказывался и от этих трудов, но сердце его было уже отдано Богу. Однако он сначала старался совместить и то, и другое: рано,

зимой, ещё до света, спешил он в храм к заутрене, а потом отдавал день занятиям по торговле. Но чем дальше шло время, тем больше убеждался святой юноша, как трудно совместить всецелую любовь к Богу со служением миру. «Невозможно, – поучал он после, – всецело и спокойно погружаться в созерцание Бога, поучаться в законе Его и всей душою возноситься к Нему в пламенной молитве, оставаясь среди неумолчного шума страстей, воюющих в мире». И потому у него давно затеплилась душа об уединённой тихой обители, где бы он мог всецело отдаться духовной жизни и пламенной серафимской любви к Богу. Сверстники, с которыми он делился своими мыслями, поддерживали его в этих стремлениях. Книги указывали путь.

Окружающие примеры увлекали: в это время многие куряне спасались уже по близким и дальним монастырям; не один уже из них дошёл и до дремучих саровских лесов, увлекая туда сердца ищущих безмолвия и строгой иноческой жизни. Между ними особо выделялся благочестием отец Пахомий, из курских купцов Леоновых.

Благочестивая Агафия давно заметила эти святые устремления и не противодествовала им. Как ни любила мать своего сына, она не могла забыть и чудес Божиих над ним, не могла не видеть и необычное его усердие к молитве, любовь к уединению от мира и равнодушие к земным делам; и сердце её давно уже готовилось к жертве. Потому, когда Прохор дошёл до зрелого юношества и открыл свои заветные думы любимой матери, она не удивилась этому, а с кротостью приняла и этот крест, усмотрев в нём святую волю Божию: святая мать добровольно соглашается отдать сына Богу. Тогда преподобный юноша хлопочет об увольнительном свидетельстве от Курского общества для поступления в монашество и, как свободная птица, решается сначала отправиться в Киево-Печерскую обитель вместе с пятью своими единомышленниками.

Происходит трогательно-умилительное прощание его с родными. Сначала, по благочестивому обычаю, молчаливо посидели. Потом святой юноша встаёт и кланяется родимой матери в ноги, прося у неё благословения на иночество. Обливаясь слезами, мать прежде всего дала сыну приложиться к иконам Спасителя и Божией Матери, а потом благословила его на крестный путь большим медным крестом. И это благословение преподобный всегда носил открыто на груди до самой смерти. С ним и скончался.

Оставив тихий родительский кров и родной Курск, шестеро богомольцев задумчиво направили стопы свои к колыбели Русской земли, богоспасаемому Киеву...

Почти восемь веков тому назад туда же, из того же Курска, тайно убежал другой великий подвижник – «железный» Феодосий Печерский, «общего жития начальник». Но то было вопреки воле одной матери, а ныне – по благословению другой.

Что ждёт впереди чистые души, горящие святою любовью? Бог весть... но сейчас они благою часть избрали (ср. Лк. 10, 42).

Примечание: По установившемуся общепринятому счислению времени событий из жизни преподобного Серафима рождение его относится обычно к 1759 году.

Но по справкам, добытым в Курской духовной консистории ко времени открытия мощей святого угодника, оказывается, что этот год, как и некоторые другие даты, подлежит ещё пересмотру. Прежде всего, по метрическим книгам оказалось, что отец преподобного, Исидор Иванович Мошин, скончался 10 мая 1760 года, 43 лет от роду, а не в 1762 году, на третий год по рождению Прохора, как писалось доселе во всех житиях. Затем, мать его, Агафия Фотиевна, почилла блаженным сном не во время его послушничества, а несравненно позже, в 1800 году, 29 февраля. Следовательно, будучи в Курске за сборами на храм между 1784 и 1786 годами, Прохор, если был у брата Алексия, то без сомнения видел и мать свою. Обычно же доселе писалось, что он уже не застал её в живых и поклонился лишь её могиле.

Но более важный вопрос о годе рождения его самого. В исповедных записях Ильинской церкви, куда была приписана семья Мошинных, за 1762 год прописаны, как имеющие быть у святого причащения, Агафия Мошина и дети её: Алексий – 11 лет и Прасковья – 14 лет. О Прохоре же здесь не упомянуто: можно бы думать, что ему тогда было всего лишь три года и он не мог ещё исповедоваться. Но, к удивлению, за 1768 год в тех же исповедных записях помечено: „Вдова Агафия 50 лет; дети её: Алексий – 17 лет, Прохор – 14 лет, Прасковья – 19 лет“. Если это точно, то Прохор родился не в 1759 году, а в 1754 году, то есть на пять лет ранее; и в 1760 году, по смерти отца, ему шёл шестой год, а не третий. Следовательно, в 1762 году ему было семь лет; хотя по обычаю дети семи лет уже бываюи у исповеди, но ему лишь шёл восьмой, и исповедь была ещё впереди.

Может быть, цифры исповедных записей неточны? Это естественно: записывали без особой осторожности, по заявлениям исповедников. Есть основания сомневаться: Агафия умерла в 1800 году, семидесяти

двух лет, как записано о ней. В таком случае, ей в 1768 году было сорок лет, а не пятьдесят, как написано. Или же она умерла восьмидесяти двух лет, что менее вероятно. Но зато другие данные, 1768 и 1762 годов, об Алексии и Прасковье совпадают (у Прасковьи и разница в один год не важна, в зависимости от месяца рождения). И в таком случае есть весьма большое основание предполагать, что Прохор родился на пять лет ранее обычно принимаемого срока; и тогда все данные его жизни, от богомолья в Киеве до смерти, передвигаются на пять лет возраста его.

Дальнейшая история должна расследовать этот вопрос.

Глава II На пути в Саров

Благополучно дошли паломники до Киева, молились Богородице, поклонялись мощам угодников и осмотрели все святыни. Стоя на пороге новой, неизвестной жизни, они, без сомнения, искали опытных старцев, которые могли бы дать мудрые советы о задуманном ими монашестве и о том, в какой монастырь поступать. И им указали, что в Китаевской обители, в десяти верстах от Киева, спасается прозорливый подвижник Досифей.¹⁴ К нему поспешно и направил стопы свои Прохор. Увидев его, старец прозрел в нём благодать Божию и решительно благословил идти в Саровскую пустынь. При этом он дал такой завет: «Гряди, чадо Божие, и пребуди тамо. Место сие тебе будет во спасение, с помощью Господа. Тут скончаешь ты и земное странствие твоё. Только старайся стяжать непрестанную память о Боге чрез непрестанное призывание имени Божия так: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!“ В этом да будет всё твоё внимание и обучение: ходя и сидя, делая и в церкви стоя, везде на всяком месте, входя и исходя, сие непрестанное вопияние да будет и в устах, и в сердце твоём; с ним найдёшь покой, приобретёшь чистоту духовную и телесную, и вселится в тебя Дух Святыи, источник всяких благ, и управит жизнь твою во святые, во всяком благочестии и чистоте. В Сарове и настоятель Пахомий богоугодной жизни; он – последователь наших Антония и Феодосия».

В этих немногих словах пророчественно не только было указано место подвижничества Прохору, но и определено было главное обучение монашеское –

¹⁴ Старец Досифей в миру был девичей Дарьей Тилкиной, скрывавшей свой пол, дабы нести свой подвиг под видом монаха-мужчины.

внутреннее делание молитвы Иисусовой. А особенно примечательно, что преподобный Досифей ясно указал ему основную цель всей духовной жизни: «Вселится в тебя Дух Святой». Таково всегда было учение христианское, начиная от Самого Господа, обещавшего послать Утешителя, Духа Истины (см. Ин. 14, 16–17; 16, 13–15), сию воду живую (Ин. 7, 38–39), чрез апостолов (Деян. 10, 44–45; Рим. 8; Гал. 3, 14; 4, 6; Еф. 2, 22; 5, 9; Евр. 10, 29), затем – чрез всех святых отцов до Григория Паламы с его учением о благодатном Фаворском свете. На этом единственно истинном воззрении всегда воспитывались опытно руководимые Самим Духом Божиим и наставляемые преемственным преданием Православной Церкви все истинные православные подвижники Христовы. Таков был и прозорливый Досифей.

Этот благодатный завет воспринял и вложил в сердце своё к неуклонному исполнению чуткий, горевший уже духом Прохор. А спустя много лет, в поразительной беседе с Н. А. Мотовиловым, мы уже от него самого услышим те же самые заветы: «Цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святаго Божия: дивная цель духовная!»

Так решился теперь для него навеки вопрос и о монашестве, и о монастыре: Бог изрёк Свою волю устами прозорливца. Можно сказать, что здесь, в Китаевской обители, произошло духовное помазание святого, заложено благодатное зерно всей будущей жизни его и восхода в славу Божию; здесь невидимо миру рука Господня уже почил на нём. Келия Досифеева стала иноческой купелью Прохору: в ней тайно совершилось монашеское обручение Духа Божия с духом его. Отсюда святой вышел, в сущности, уже иноком. Позднейший постриг лишь явно запечатлеет сие избрание Духом. И как Господь после крещения Иоаннова ведён был Духом в пустыню, дабы путём искушений приготовиться к прохождению Своего служения, так и Прохор из Киева не сразу идёт в Саров, а возвращается ещё в дом матери, в родной Курск.

Какова была причина такого замедления, нам точно неизвестно. Хотел ли молодой юноша ещё более испытать и проверить себя: может ли он поднять на себя иноческое благое иго (см. Мф. 11, 29–30) Христово; желал ли он постепенно приготовить к разлуке любящую мать, или советовал ему так прозорливый старец, дабы укрепить в решении; или иное что промыслительно удерживало его, но Прохор живёт ещё под кровом матери около двух лет.

Но он живёт теперь здесь лишь телом, а душа его стала умирать ко всему земному: он ещё ходит и в лавку, но в торговле уже не принимает никакого участия; время же своё проводит в молитве, безмолвном богомыслии, чтении книг и душевспасительных беседах с приходящими. И несомненно, ещё здесь

он начал исполнять завет Досифея о «непрестанной памяти Божией» и постоянной молитве Иисусовой. Дом сделался для него преддверием монастыря.

Кончился иску. Прохор собирается идти. Горько было расставаться с ним родимой матери; и она – уже без надежды – просит сына: «Ты бы меня прежде похоронил, а потом и шёл бы в монастырь!»

Но он всё похоронил уже два года назад в келии под Киевом... И матери оставалось лишь ещё раз благословить Прохора, чтобы, как думала она, больше не увидеть его на земле. Саров был слишком далеко для неё.

С Прохором пошли и двое из сополомников его по Киеву, другие же двое ушли в иные монастыри ещё раньше.

Была осень. Жизнь лета замирала. Листья спадала с деревьев. Шли дожди. В Курске ещё держалось тепло, но, чем севернее, ближе к Тамбовской губернии, тем холод становился ощутительнее. Приближалась зима. Путь был нелёгкий... И иноков впереди ждал трудный подвиг борьбы умерщвления страстей, во имя чистого белоснежного бесстрастия, дабы потом ожить уже Духом.

Молча, творя тайно молитву Иисусову, шли будущие подвижники. Вот и темниковские леса. Вековой бор принял в себя новых борцов духа, и высокой дремучей стеной огромных сосен, иногда в четыре-пять человеческих обхватов толщиною, отрезал их от прошлого... Оно сделалось далёким, далёким...

Близко уже и таинственный Саров.

В 1661 году пришёл сюда нижегородский монах Феодосий, после него были Герасим, Савватий и другие. Но основан был монастырь при иероскимонахе Иоанне, прибывшем в Саров в 1691 году. Официально же монастырь был открыт в 1706 году после пожертвования земли князем Даниилом Кутушевым (из рода татарских мурз) и утверждения обители патриаршим приказом. Из позднейших преемников особенно достойны почитания Ефрем – как за устроение обители, так и ради своей многострадальной и святой жизни. Он скончался за пять месяцев до прихода Прохора.

...20 ноября 1778 года, к вечерним сумеркам, подошли три молодых богемольца к воротам Саровской колокольни.

Был канун Введения Божией Матери в храм Господень. Это по преимуществу праздник иноческий. Это день посвящения Богоотроковицы Марии на величайшее служение Богу для спасения человеческого рода; уход Её из мира для спасения мира; праздник девства для приготовления к Боговоплощению. Это праздник обращения Богоневесты для воспитания Её Духом в Матерь Сыну Божию.

И не случайно было это совпадение. Святой юноша от земной матери пришёл к Матери Небесной; из рук честной вдовицы принят был Пренепорочной

Приснодевой; от крова храмосоздательницы Агафии вступил в покров Божий, в «Пречистый Храм Спасов, Многоценный Чертог»¹⁵, в объятия Богородицы. И опять вспоминается чудесная беседа преподобного о стяжании благодати Святого Духа как цели жизни: об этом ясно поётся в том же кондаке праздника: «Дева... днесь вводится в дом Господень, благодать совводящи, Яже (Она Сама) в Дусе Божественном».

«И вселится в тебя Дух Святой», – вспоминается снова пророчество Досифея... Через подколокольные ворота вошли паломники внутрь монастыря. Со всех сторон они сразу окружены были строениями обители, точно живыми руками, приветливо обнимающими новых обитателей. Позади их как бы затворилась дверь для потустороннего мира: теперь их дом, и родные, и Отец, и Мать – здесь (ср. Мф. 12, 48–49).

Впереди перед ними среди монастырского двора высился огромный пятикупольный главный храм обители в честь Успения Божией Матери, только год назад тому отстроенный при игумене Ефреме. Видом своим он весьма напоминал далёкую церковь Успенской Киевской лавры...

Врата храма были открыты. Паломники прямо с пути направили стопы свои в место селения Божия – в дом Царицы Небесной, отсюда невидимо управлявшей монастырём.

Сбылось заветное желание: искали Града Божия – у тихой пристани. Недавно ещё поставленный игумен отец Пахомий соборно совершал торжественное праздничное богослужение. Всё исполнялось чинно и по уставу: настоятель был строг в соблюдении церковных и монастырских порядков. Радовалась душа Прохора. Он нашёл своё место. И теперь мог бы сказать словами псалмопевца: *И птичка находит себе жилище, и ласточка гнездо себе... Блаженны живущие в доме Твоем, Господи.* (Пс. 83, 4–5); *Это покой мой на веки; здесь живлось, ибо Я возжелал его!* (Пс. 131, 14).

Глава III Послушник Прохор

На другой день все три паломника были у отца игумена. С любовью встретил он их и с радостью принял в обитель. Особенное внимание обратил отец Пахомий на Прохора, родителей которого он хорошо знал ещё по Курску. Прозревая в нём великий дух будущего подвижника, он передал его для духовного руководства в опытные руки ближайшего своего сотрудника и

¹⁵ Кондак: Введения во храм Пресвятой Богородицы.

друга, мудрого и любвеобильного казначея отца Иосифа; от него Прохор принял и первое свое послушание – келейника.

Так началась монашеская жизнь святого, дивившаяся пятьдесят четыре года: трудная она была подвигами, но зато завершилась славным концом святым. Лёгкое келейное служение у отца казначея было лишь вступлением. Скоро новоназначенный Прохора, как и всех других насельников монастыря, стали проводить по разным, более трудным физически, послушаниям: он был и на хлебной, и в просфорне, и в столярной; затем исполнял обязанности будильщика монахов, церковного пономаря; был и на клиросе, ходил на общие послушания – рубку леса, пилку дров и т. д. Дольше всего Прохор занимался столярным делом, в коем выработал большую опытность, так что среди братии был известен преимущественно под именем Прохора-столяра.

Как проходила его внутренняя жизнь в данный новоназначенный период, когда закладываются главные основы монашеского воспитания, нам известно немного. И больше приходится заключать об этом из позднейших советов преподобного другим, нужно думать, со своего опыта; и лишь отчасти – из случайных, незначительных свидетельств его самого о прошлой своей жизни.

Прежде всего, брат Прохор отличался совершенно безропотным исполнением послушания, при этом он, по свойству своего точного характера, всё делал с усердием, аккуратностью и возможно совершенно. Это именно и требуется больше всего от новоназначенных послушников, дабы они сразу же причулились сокращать свою мирскую гордость, этот корень всех прочих страстей и основную болезнь падшей души.

Поэтому преподобный и дивеевских монахинь наставлял после главным образом послушанию. «Помни всегда, – вспоминала заветы его Ксения Васильевна Путкова, впоследствии монахиня Капитолина, – послушание превыше всего, превыше поста и молитвы! И не только не отказываться, но – бегом бежать нужно на него! Переносить, не смущаясь и не ропща, всякие скорби от собратий: ибо монах – только тот и монах, когда, как лапти, будет всеми отбит и отрёпан». «Нет пагубнее греха, как роптать, осуждать или не слушаться начальницы: человек этот погибнет».

И духовнику обители, протонерею отцу Василию Садовскому, святой угодник тоже говорил: «Послушание, батюшка, паче поста и молитвы: помни и всегда им говори это; и я всегда говорю».

«Затем батюшка объяснял мне, – записал отец Василий, – как велик, страшен и тягостен для монаха грех неповиновения начальнику и, тем более, хуление начальников; ибо первое правило иноку – на этом всё монашество

зигждется – послушание и полное отсечение воли; вследствие неисполнения которых возник и первородный грех ветхого Адама, всё погубивший; и чем только и спасён весь мир через человека же, нового Адама, Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа, ибо: *послушлив быв даже до смерти* (Флп. 2, 8)! Поэтому и ныне не может быть хуже греха! Творящий так непременно погибнет...»

Помилуй нас, Господи, своевольных!

На втором месте для новоначальных ставит батюшка труд, в чём бы он ни состоял: «Благословляю им, – то есть дивеевским сёстрам, – как от сна встают – тут же за работу; читая про себя, хотя бы и на ходу, моё правильце; если так сотворят, – спасутся».

«Если есть рукоделие, – давал он после наставление монаху, – занимайся оным; если находишься в келье, не имея рукоделия, всячески прилежи чтению, а наипаче – Псалтири: старайся каждую статью прочитывать многократно, дабы содержать всё в разуме». «Если зовут на послушание, иди на оное». И сам он никогда не пребывал без дела, не допускал себя до праздности. Если был свободен от послушаний и молитвы, то удалялся молча в келью и там принимался за какое-нибудь дело: то вырезал кипарисовые кресты, то читал слово Божие, или творения святых отцов, или жития святых. Кроме Библии и Четьих Миней, у него были творения святого Василия Великого, преподобного Макария Египетского, Иоанна Лествичника, «Маргарит», Добротолюбие и другие.

На чтение он тоже смотрел как на особый подвиг, который называл «бдением». Евангелие и Послания апостолов он читал пред иконами и непременно стоя, в молитвенном положении.

«Душу надо снабждать, питать словом Божиим, – говорит он, – всего же более должно упражняться в чтении Нового Завета и Псалтири; это делать подобает стоящему». Псалтирь он позволял, впрочем, читать иногда и сидя. «От сего чтения бывает просвещение в разуме, который изменяется изменением Божественным». Кроме того, читающий Священное Писание «принимает в себя от сего теплоту, которая в уединении производит слёзы; от сих человек согревается весь и исполняется духовных дарований, услаждающих ум и сердце паче всякого слова». Более же всего оное делать должно для себя, чтобы приобрести мир душевный по учению псалмопевца: *Мир мног любящим закон Твой, Господи* (Пс. 118, 165).

Несомненно, преподобный всё это говорил с собственного опыта. А однажды он даже изрёк необычайное пророческое увещание о чтении: «Очень по-

лезно... прочитывать всю Библию разумно. За одно такое упражнение, кроме других добрых дел, Господь не оставляет человека Своєю милостью, но исполняет его дара разумения». И мирянам он заповедовал читать слово Божие. «Что читать?» – спросил его один посетитель. – «Евангелие, – ответил батюшка, – по четыре зачала в день, каждого Евангелиста – по зачалу».

После труда и чтения преподобный даёт новоначальным наставление уже о молитве и говорит точно то самое, что он слышал ещё из уст Досифея и в чём сам подвизался непрестанно: «Истинно решившиеся служить Господу Богу должны упражняться в памяти Божией и непрестанной молитве к Иисусу Христу». «За рукоделием, или будучи где-либо на послушании, – наставляет он монаха, – твори беспрестанно молитву: „Господи Иисусе Христе, помилуй мя, грешного“. В молитвах внемли себе, то есть ум собери и соедини с душою. Сначала день, два и множая твори молитву сию одним умом, раздельно, внимая каждому особо слову. Потом, когда Господь согреет сердце твоё теплотою благодати Своея и соединит в тебе оную в един дух, тогда потечёт в тебе молитва оная беспрестанно и всегда будет с тобой, наслаждая и питая тебя... Когда же будешь содержать в себе сию пищу душевную, то есть беседу с Самим Господом, то зачем ходить по келиям братии, хотя кем и будешь призываем? Истинно скажу тебе, что празднословие сие есть и празднолюбие».

Что касается церковной молитвы, то преподобный давал такой совет: «В церкви на молитве стоять полезно с закрытыми очами, с внутренним вниманием; открывать же очи – разве тогда, когда унешь или сон будет отягощать тебя и склонять к дреманию; тогда очи должно обращать на образ и на горящую пред ним свещу».

И сам он стоял в церкви, закрывая очи. При этом приходил к богослужению раньше других и никогда не выходил прежде окончания его. Что касается подвигов, то в первое время своего монашества он, хотя держал себя в общем непрестанном и строгом воздержании, но не выходил из меры. И других учил потом так же по общему святоотеческому наставлению о царском пути: «Выше меры подвигов принимать не должно; а стараться, чтобы друг – плоть наша – был верен и способен к творению добродетелей. Надобно идти средним путём».

«Должно снисходить душе своей в её немощах и несовершенствах и терпеть свои недостатки, как терпим других». Однако нужно «не обленяться и побуждать себя к лучшему». В частности, относительно, например, сна преподобный говорил одному иноку: «Каждый день непрестанно, в ночи спи

четыре часа: десятый, одиннадцатый, двенадцатый и час за полночь; аще изнеможешь, можно вдобавок днём спать. Сие держи неизменно до кончины жизни: ибо оно нужно для упокоения головы твоей. И я с молодых лет держал таковой путь. Мы и Господа Бога всегда просим о упокоении себя в ночное время. Аще тако будешь хранить себя, то не будешь уныл, но здрав и весел». Впоследствии другим, более немощным, он позволял спать ночью даже шесть часов, а при утомлении ещё советовал и после обеда немного отдыхать.

Равным образом держался умеренности послушник Прохор в пище: «Чтобы наложить на себя строгое правило воздержания во всём или лишить себя всего, что может служить к облегчению немощей, сие вместить не всякий может... Иначе... изнемогу телу, и душа ослабевает». В частности: «По пятницам и средам, особенно же в четыре поста, – говорил он, – пишу употребляй один раз в день; и ангел Господень прилепится к тебе». Для других дней советовал такое правило: «За обедом ешь довольно; за ужином повоздержись». «Чревоугодие – не монашеское дело». А дивеевским сёстрам он вообще давал снисходительное наставление, чтобы они кушали не стесняясь, когда и сколько угодно, хотя бы даже и ночью; лишь бы были послушны, да никогда не жили в одиночку ни в келье, ни в дороге. Впрочем, он считал, что женщины, по слабости своей, вообще менее способны на суровые подвиги воздержания. Но, кроме того, он не хотел наложить лишней тяги греха на чью-либо душу в случае неисполнения строгого поста или обетов: «Аще кто может – тот и исполняет». Даже о среде и пятке некоему монаху он сказал условно: «Аще можешь, вкушай, но однажды». «Тело же, измождённое подвигами или болезнями, должно подкреплять умеренным сном, пищею и питием, не наблюдая даже и времени. Иисус Христос, по воскресении дщери Иаириной от смерти, тут же повелел ей есть (см. Лк. 8, 55)».

Но зато преподобный настойчиво советовал всячески хранить «мир душевный», за чем особенно следил и в самом себе: «Всеми мерами надобно стараться, чтобы сохранить мир душевный и не возмущаться оскорблениями от других»; «Ничтоже лучше есть во Христе – мира»; «Святые отцы имели мирное устроение и, будучи осеняемы благодатию Божию, жили долго»; «Стяжи мир, – говорит он впоследствии, – и вокруг тебя спасутся тысячи». А «когда человек придёт в мирное настроение, тогда может от себя и на прочих издавать свет просвещения разума»; «Сей мир как некое бесценное сокровище оставил Господь наш Иисус Христос ученикам Своим пред смертью Своею (см. Ин. 14, 27)».

О нём также говорит и апостол: *и мир Божий... да соблюдет сердца ваша и разумения ваша о Христе Иисусе* (Флп. 4, 7). Для сего он прежде всего советовал «погружать ум внутрь себя и иметь делание в сердце своём, тогда благодать Божия приосеняет его, и он бывает в мирном устроении». Затем должно приучаться «оскорбления от других переносить равнодушно... как бы их оскорбления не до нас, а до других касались. Такое упражнение может доставить человеческому сердцу тишину и сделать оное обителью Самого Бога».

«Если же невозможно, чтобы не возмутиться, то, по крайней мере, надобно стараться удерживать язык, по псалмопевцу: *смятохся и не глаголах* (Пс. 76, 5)».

«Для сохранения мира душевного также всячески должно избегать осуждения других...»; «А чтобы избавиться осуждения, должно внимать себе... и спрашивать: где я?» В особенности же для мира душевного «должно отдалять от себя уныние и стараться иметь радостный дух, а не печальный. По слову Сираха: *мнози бо печаль уби, и несть пользы в ней* (Сир. 30, 25)».

На этом «радостном духе» подобает остановиться с особым вниманием в жизни преподобного: он был отличительным свойством его, особенно впоследствии. Но не без борьбы достался даже ему сей благодатный дар, столь спасительный для притекавших потом к нему страждущих душ. Есть основание думать, что бес уныния нападал в начале монашества и на него самого.

«Трудно, – говорит преподобный, – избежать этой болезни начинающему жизнь монашескую, ибо она первая нападает на него. Потому прежде всего и должно остерегаться её».

«Бывает иногда человек в таком состоянии духа, что, кажется ему, легче бы ему было уничтожиться или быть без всякого чувства и сознания, нежели долее оставаться в этом безотчётно-мучительном состоянии. Надобно спешить выйти из него. Блюдись от духа уныния, ибо от сего рождается всякое зло... происходят тысячи искушений: смущение, ярость, хула, жалоба на свою участь, развращённые помыслы, переселения из места в место». «Несносным становится и место жительства, и живущие с ним братия». Тогда «демон скуки внушает монаху помыслы выйти из келии и с кем-нибудь поговорить». «И монах становится подобным безводному облаку, гонимому ветром». А иногда, наоборот, «злой дух печали, овладев душою, лишает её кротости и благодушия в обращении с братьями и рождает отвращение от всякого собеседования, она убеждает людей, как виновников её смущения, и не понимает, что причина болезни внутри её: душа, исполненная печали, делаясь как бы

безумной и иступлённой, не может спокойно принимать благого совета, ни кротко отвечать на предлагаемые вопросы».

Можно думать, что напал этот злой дух уныния и на преподобного. Но он сразу и решительно находил выход из него. Первое «врачевание, при помощи которого человек скоро находит утешение в душе своей, есть «смиренноумудрие сердца», как учит святой Исаак Сирий. Другое врачевство видел он в труде и подвигах: «Болезнь сия врачуется молитвою, воздержанием от празднословия, посильным рукоделием, чтением слова Божия и терпением; потому что и рождается она от малодушия, и праздности, и празднословия».

Оба же эти пути сводятся прежде всего к простому безропотному исполнению послушания: «Здесь и смирение, и подвиг». «Прежде всего, – говорил преподобный, – должно бороться против уныния посредством строгого и беспрекословного исполнения всех возлагаемых на послушника обязанностей. Когда занятия твои придут в настоящий порядок, тогда скука не найдёт места в сердце твоём. Скучают только те, у кого дела не в порядке. И так послушание есть лучшее врачевство против сей опасной болезни». А всё это вместе взятое ведёт к последнему исцелению духовных болезней – к бесстрастию: «Кто победил страсти, тот победил и печаль».

И если сам преподобный был всегда мирен и радостен – это истинный знак того, что он достиг постепенно бесстрастия и презрения мира с его похотями (ср. 1 Ин. 2, 16).

А умея преодолевать искушения в самом себе, подвижник мог уже по опыту помогать и другим, вливая в них дух радости Божией.

Один саровский инок поддался подобному искушению. Желая найти себе облегчение, он поделился своей скорбью с другим братом. После вечерни они вышли из монастыря и, гуляя вокруг ограды, дошли до конного двора. Вдруг они видят преподобного. Глубоко почитая его, они упали ему в ноги. Угодник Божий с необычайной лаской благословил их и, прозрев уныние брата, заплел: «Радости моё сердце исполни, Дево, яже радости приемшая исполнение, греховную печаль потребляющи» (тропарь из канона Богородице). Потом, тошнув ножкою, святой старец с силой и восторгом сказал: «Нет нам дороги унывать; ибо Христос всё победил, Адама воскресил, Еву свободил, смерть мертвил!» Радость его передалась унывающему брату; искушение мгновенно исчезло, и иноки в мирном и весёлом духе возвратились в монастырь.

А монахиня Капитолина (Ксения Васильевна) в записях своих оставила нам свидетельство о возвращении преподобного на уныние и радость вообще: «Весёлость – не грех, матушка: она отгоняет усталость: а от усталости ведь

уныние бывает, и хуже его нет. Оно всё приводит с собою. Вот и я как поступил в монастырь-то, матушка, на клиросе тоже бывал; и такой весёлый-то был, радость моя! Бывало, как ни приду на клирос-то, братия устанут; ну и уныние нападёт на них, и поют-то уж не так, а иные и вовсе не поют. Все соберутся, а я и весело их; они и усталости не чувствуют! Ведь дурное что говорить ли, делать ли – нехорошо и в храме Божиим не подобает. А сказать слово ласковое, приветливое да весёлое, чтобы у всех пред лицом Господа дух всегда весел, а не уныл был – вовсе не грешно, матушка».

И этот дух Христова мира и радости всё более возрастал в преподобном, дондя потом до постоянной пасхальной радости; отчего он часто и называл своих собеседников «радость моя» или встречал приветом: «Христос воскрес».

Какова была борьба у Прохора с плотскими движениями – это нам неизвестно. Правда, в своих наставлениях он говорит: «Человеку в младых летах можно ли гореть и не возмущаться от плотских помыслов?!»

Следовательно, не свободен и он был от этих приражений естества. Но нет никакого сомнения, что эти страсти не имели в нём материала: чистый от юности, он без труда преодолевал находящиеся на него помыслы и даже обращал эти искушения вражин в поводы к добру тем, что противился им: «Если мы не согласны со влагаемыми от диавола злыми помышлениями, то мы добро творим».

«В этих нападениях, – учил он, – тотчас же нужно обращаться с молитвою к Господу Богу, да потухнет искра порочных страстей при самом начале. Тогда не усилятся в человеке пламень страстей».

Этот «нечистый дух только на страстных имеет сильное влияние; а к очитившимся от страстей приражается только со стороны, или внешне».

Так именно «внешне» лишь приражался он к нему самому, не находя в святом послушнике пищи и палимый его молитвой при первых же искусовых приступах своих. И впоследствии он дерзновенно говорил о себе духовнику Дивеевской обители отцу Василию Садовскому так: «Как я и сам – девственник, батюшка, то Царица Небесная благословила, чтобы в обители моей были бы только одни девушки».

И Н. А. Мотовилову объяснял он, что дев-инокинь нужно устраивать отдельно от вдовиц, по повелению Самой Божией Матери. «К нам придут вдовицы и отроковицы с собою приведут, – говорил он дивеевской сестре Матроне. – Но мы, матушка, особенных чувств от вдовиц. Они во многом различны от нас (девственных). Девица услаждается только Сладчайшим Иисусом, созерцает Его в страданиях и вся свободная духом служит Господу; а у вдовицы много

вспоминаний о мирском: „Как хорош был покойник-то наш! Какой он был добрый человек!“ – говорят они».

Поэтому он для девиц выделил особую часть монастыря с мельницей, которая потом и называлась Мельничной девичьей обителью. Такое самосвидетельство преподобного вернее всяких других показаний ручается за непорочность его. Но, чтоб сильнее, глубже очистить и остатки движений естества, Господь почти в самом же начале монашества послал ему тяжёлую болезнь. «Тело есть раб, душа – царица, – учил он после, – а потому сие есть милосердие Господне, когда тело изнуряется болезнями; ибо от сего ослабевают страсти и человек приходит в себя». Впрочем, «и самая болезнь телесная рождается иногда от страстей»; «Отними грех – и болезни оставят».

Через два года после вступления в монастырь Прохор тяжко заболел водячкой: он весь распух и большей частью лежал в келии неподвижно. Недуг продолжался около трёх лет. Игумен Пахомий и старец Иосиф, горячо полюбившие послушного инока, с любовью ухаживали за ним. Не видя улучшения и даже боясь за смертельный исход болезни, отец Пахомий предложил пригласить врача. Но Прохор кротко ответил ему: «Я предал себя, отче святой, истинному врачу душ и телес, Господу нашему Иисусу Христу, и Пречистой Его Матери; если же любовь ваша рассудит, снабдите меня, убогого, Господа ради, небесным врачевством, причастием Святых Тайн».

Старец Иосиф с усердием отслужил бдение и литургию о здравии болящего, исповедал и причастил его в келье. После этого Прохор быстро выздоровел.

Впоследствии он сам рассказал многим, что после Святого Причастия ему явилась в несказанном свете Пречистая Богородица с апостолами Петром и Иоанном Богословом и, обратившись лицом к апостолу Иоанну, изрекла, указывая на болящего: «Сей – от рода Нашего! (то есть небесного)». «„Затем, – повествует с его слов монахиня Капитолина, – правую-то ручку, радость моя, положила мне на голову, а в левой ручке держала жезл; и этим-то жезлом, радость моя, и коснулась убогого Серафима; у меня на том месте, на правом бедре-то и сделалось углубление, матушка; вода-то вся в него и вытекла. И спасла Царица Небесная убогого Серафима. А рана пребольшая была; и до сих пор яма-то целая, матушка: погляди-ка, дай ручку“. И батюшка сам, бывало, возьмёт, да и вложит мою ручку в яму; и велика же она была у него: так вот весь кулак и взойдёт».

Так чудесно исцелился Прохор. Другим же, а особенно мирянам, он разрешал и лечиться. Спрашивавшему его об этом некоему Богданову дал такой совет: «Болезнь очищает грехи. Однако же воля твоя – иди средним путём: выше

сил не берись, упадёшь – и враг посмеётся тебе. Аще юн сый, удержишься от высококих», то есть, подвигов и намерений. «Однажды диавол предложил праведнику¹⁶ прыгнуть в яму. Тот было и согласился; но святой Георгий Победоносец удержал его».

В следующем году после выздоровления на месте этой келии начали строить больничный корпус, и место явления Божией Матери пришлось как раз под altarь храма. Преподобный сам сделал кипарисовый престол и до самой своей смерти причащался здесь, благодарно вспоминая милость Божией Матери. Для построения этой церкви был разрешён сбор; и исцелённый Прохор с особым усердием принял новое послушание – сборщика; обходя города и селения, он дошёл и до Курска. Здесь он ещё раз увиделся и со своей матерью, братом Алексием и другими родными; от них он получил усердную лепту на святое дело и возвратился в родной духовно Саров.

В этой смертельной болезни умерло в Прохоре человеческое: отныне он – уже не земного рода, а небесного. Здесь же раб Божий жил внешней видимостью: он даже и дом посетил как бы мимоходом, чтоб совсем потом забыть о нём. За восемь лет послушничества он всей душой прилепился к горнему миру: там он был истинно родной.

Оставалось запечатлеть это благодатным постригом: послушник созрел уже до иноческого новорождения.

Глава IV

В ангельском чине

В конце Успенского поста, 13 августа 1786 года¹⁷, игумен Пахомий постриг послушника Прохора в монашество. Вместо него родился для новой духовной жизни в ангельском чине инок Серафим, что значит с еврейского языка и «пламенный», и «согревающий». И это имя, несомненно, данное ему за его горение духа, он оправдал вполне и своей пламенной любовью к Богу и Божией Матери, и тёплой лаской к людям. Легко и с трепетной радостью подклонил голову свою под ножницы постригающего новый монах, ни одна мысль о разлуке с миром не омрачила его души в момент духовного «венчания» её с Женихом Небесным. Как созревший плод, отдал он себя в руки Божии. Вместе с отрезанными волосами окончательно обрезалась прошлая жизнь; отныне взявшийся за плуг подвижник никогда уже не будет озираться назад (ср. Лк. 9, 62). «Я, матушка, – говорил он впоследствии дивеевской се-

¹⁶ Из жития св. Феодора Сикота, 22 апреля.

¹⁷ В день кончины святителя Тихона Задонского.

стре Прасковье, – всю монастырскую жизнь прошёл и никогда, ниже мыслью, не выходил из монастыря».

Теперь у него всё впереди. И если всякий монах по опыту знает, какой радостью и ревностью ко спасению зажигает благодать Божия душу новопостриженного, то каким же огнём загорелся пламенный дух Серафима!..

Мы не знаем этого из его слов: не любил он рассыпать по людям тайн внутренней своей жизни. И другим потом не советовал: «Не должно без нужды другому открывать сердца своего. Из тысячи можно найти только одного, который бы сохранил твою тайну»; «Всеми мерами должно стараться скрывать в себе сокровище дарований. В противном случае потеряешь и не найдёшь. Всего жалостнее то, что от сего нехранения и многословия может погаснуть тот огонь, который Господь наш Иисус Христос пришёл вверещи на землю сердца, „ибо, – говорил преподобный словами святого Исаака Сирина, – ничтоже так устужает огонь, от Святого Духа вдыхаемый в сердце инока по освящении души, якоже соображение, и многословие, и собеседование“». И потому, если он и прежде, во время послушничества, уклонился в уединение и молчание, то теперь и вовсе уходит внутрь клетки души своей (см. Мф. 6).

Позднее в наставлениях своих он учит: «Паче всего должно украшать себя молчанием. Ибо Амвросий Медиоланский говорит: „Молчанием многих видел я спасающихся, многоглаголением же – ни одного“. И паки некто из отцов говорит, что „молчание есть таинство будущего века, словеса же суть оружие мира сего“ (Добротолюбие, иноки Каллист и Игнатий)»; «От уединения и молчания рождается умиление и кротость»; «Пребывание в келье в молчании, упражнении, молитве и поученье делает человека благочестивым; ты только сиди в келье во внимании и молчании, всеми мерами старайся приближать себя к Господу; а Господь готов сделать из человека ангела»; «Ежели не всегда можно пребывать в уединении и молчании, живя в монастыре и занимаясь возложенными от настоятеля послушаниями, то хотя некоторое время, оставшееся от послушания, должно посвящать на это, и за сие малое не оставит Господь Бог ниспослать благодатную Свою милость».

Особенно же преподобный Серафим наблюдал, «чтобы не обращаться на чужие дела, не мыслить и не говорить о них, по псалмнику: *не возлагают уста моя дел человеческих* (16, 4); а молитв Господа: *от тайных моих очисти мя* (Пс. 18, 13)».

Даже во внешнем поведении иноку нужно вести себя собранно и замкнуто: «встречающихся старцев или братию» должно «поклонами почитать, имея очи всегда заключены».

Даже «сидя за трапезою, не смотри» ни на кого «и не осуждай, кто сколько ест; но внимай себе, питая душу молитвою».

И лишь два исключения делает преподобный: во-первых, при общении «с чадами тайн Божиих», то есть с истинно духовными единомышленниками; а во-вторых, при печали брата: «Дух смущённого или унывающего человека надобно стараться ободрить любовным словом». Но и тут нужно быть рассудительным; неопытному же лучше и здесь молчать, особенно кто самого себя не устроил ещё. «Аще себя не понимаешь, то можешь ли рассуждать о чём и других учить?» – говорил преподобный одному иноку. «Молчи, беспреестанно молчи, помни всегда присутствие Божие и имя Его. Ни с кем не вступай в разговор, но всячески блюдишь осуждать много разговаривающих или смеющихся. Будь в сём случае глух и нем». Несомненно, он и сам так поступал, особенно в начале иночества: «Человек должен обращать внимание на начало и конец своей жизни; в середине же, где случается счастье или несчастье, должен быть равнодушен».

В частности, преподобный настойчиво советовал иноку строго «хранить себя от обращения с женским полом, ибо, как восковая свеча, хотя и не зажжённая, но поставленная между горящими, растаивает, так и сердце инока от собеседования с женским полом неприметно расслабевает».

И даже в старости своей он дал такой совет одному семинаристу, впоследствии настоятелю монастыря, архимандриту Никону: «Бойся, как гееннского огня, галок намазанных (женщин); ибо они часто воинов царских делают рабами сатаны». И сам он, как сейчас увидим, был в начале монашества необыкновенно осторожен и решителен.

Ещё можно было бы прибавить к этому сокровенному моменту первых дней монашества святого несомненное усиление в молитвенном подвиге; а затем и стремление к полному уединению, куда обычно влекутся сердца пламенных богомольцев. Но это осуществится несколько позднее; а теперь ему предстоит служение среди братии и сотрудничество своим духовным отцам – игумену Пахомию и старцу Исани, который был дан ему в духовные отцы при его постриге, коим он вверился с детским послушанием в ответ на их крепкую любовь к нему.

Вскоре же после пострига он был представлен к рукоположению в сан диакона. И 27 октября того же 1789 года, то есть всего лишь через два с половиной месяца, он был хиротонисан епископом Владимирским Виктором; Саров тогда входил в эту епархию. Пovyбывая так скоро новопостриженного инока, святые отцы отметили этим то глубокое уважение, каким